

ИЗ ПРЕДИСТОРИИ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

А. Манфред

I

В обширной европейской литературе, посвящённой истории франко-русского союза, вопрос о его происхождении и его предистории принадлежит к числу наиболее затемнённых: предвзятые мнения, политические расчёты нередко ввели пером историков, писавших на эти темы.

Между тем без правильного понимания этих вопросов не может быть дана и верная оценка значения и характера союза России и Франции — крупнейшего фактора международной политики нового времени.

Не ставя своей задачей дать критико-историографический разбор существующей литературы и не претендуя на освещение вопроса о происхождении и предистории франко-русского союза во всех его деталях, что возможно лишь в монографии, автор в данной статье пытается представить эти проблемы в их подлинном, освобождённом от спекулятивных построений значении, то есть в соответствии с действительными фактами исторического процесса.

Каково происхождение франко-русского союза 1891—1893 годов? Откуда идут его корни?

В официальной публикации материалов французского министерства иностранных дел по истории франко-русского союза, в главе «Происхождение» (союза) первым документом помещено письмо французского посла в Петербурге Лабуле министру иностранных дел Франции Рибо от 24 августа 1890 года¹. Эта хронологически начальная дата выбрана совершенно произвольно. Она ничем не оправдана и не объясняет происхождения франко-русского союза. Неудовлетворительность и случайный характер этого определения начальной грани предистории франко-русского союза понял крупнейший из французских историков, писавших на эту тему, — Жорж Мишон².

Жорж Мишон — известный исследователь великой французской буржуазной революции, издавший переписку Робеспьера, Барнава, много и плодотворно работавший в этой области, опубликовал в 1927 г. обширную монографию по истории франко-русского союза. Не вдаваясь в детальный анализ работы Мишона, отметим здесь, хотя бы в общей форме, что основная концепция Мишона, считавшего союз с Россией роковой ошибкой правящих кругов Франции, «одной из самых тёмных страниц её истории»³, насквозь порочна и несостоятельна. Эта концепция обнаруживает прежде всего полное непонимание автором её проблемы союзов, как главной проблемы внешней политики Франции после войны 1870—1871 гг., и нежелание или неспособность вдуматься в реальные уроки истории. Для нас, однако, важно в данном случае выяснить раньше взгляды Мишона на вопрос о происхождении франко-русского союза.

¹ «L'alliance franco-russe». Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. N 1. Paris. 1918.

² Michon G. «L'alliance franco-russe 1891—1817», p. 47. Paris. 1927.

³ *Ibidem*, p. 305.

Мишон, не удовлетворённый решением этого вопроса в официальной французской публикации, предлагает свою, иную точку зрения. Вкратце она сводится к следующему: Россия, потеряв на Берлинском конгрессе часть своих завоеваний, зафиксированных Санстефанским договором, осталась недовольна своими союзниками — Австро-Венгрией и Германией — и поэтому пыталась установить тесные связи с Францией. Заключение двойственного союза между Германией и Австро-Венгрией усилило стремление Горчакова к достижению соглашения с Францией. И Мишон заключает: «Можно сказать, что франко-русский союз возник из восточного вопроса»⁴.

Нетрудно разглядеть, как распределяются свет и тени в этой конструкции Ж. Мишона. Если франко-русский союз возник из восточного вопроса, то, естественно, представляется, что Франция совершила в некотором роде акт великодушия, протянув руку помощи униженной после Берлинского конгресса и ищущей французской поддержки России. Изобразить Россию нуждающейся во французском союзе и Францию почти покровительствующей ей — вот к чему сводится реальный смысл предложенной Мишоном версии о происхождении франко-русского союза из восточного вопроса.

Эта версия Мишона едва ли может быть признана оригинальной. Мысль о том, что франко-русский союз берёт свои истоки из восточного кризиса 70-х годов и его ближайших последствий, усиленно подчёркивалась и в немецкой и в английской исторической литературе, в частности в работах Хаммана, Курта Кёрлина, Гуча и др.

Однако, если названные немецкие и английский историки, так же как и Мишон, устанавливают генезис франко-русского союза в восточном вопросе 1870-х годов, то всё же в конкретном анализе предистории этого союза и в поисках его исходных начал они существенно расходятся. Мишон считает, что стремление России к сотрудничеству с Францией особенно усилилось после заключения двойственного союза между Германией и Австрией. Хамман, Кёрлин и Гуч, напротив, утверждают, что первая, реально обозначившаяся вероятность заключения франко-русского союза относится к летним месяцам 1879 г., т. е. ко времени до заключения австро-германского союза. В этом мнимом русско-французском сближении Хамман в наиболее категорической форме (хотя и менее других заботясь об аргументации⁵), а другие авторы с меньшей определённой как раз и видят одну из главных причин, побудивших Бисмарка поспешно заключить сделку с Австрией. Политический смысл этой исторической конструкции очевиден: она имеет целью реабилитировать Бисмарка, снять обвинение германской политики в агрессивных намерениях при заключении двойственного союза 1879 г. и представить самое возникновение австро-германского союза как средство самозащиты Германии от якобы складывавшегося франко-русского союза.

Следует отметить, что по рассматриваемому вопросу и М. Н. Покровский высказывал в печати мнение, очень близко совпадающее с этой насквозь лживой, исторически несостоятельной концепцией немецких и английских историков. Так, в предисловии к известной публикации Центрархива «Русско-германские отношения» М. Н. Покровский писал: «В 1879 году уже замаячил на горизонте... призрак союза русско-фран-

⁴ Michon J. Op. cit., p. I. Разрядка моя. — А. М.

⁵ Hamman O. «Der Missverständene Bismarck. Zwanzig Jahre Deutscher Weltpolitik», S. 18. Brl. 1921. Знаменательно, что в более поздней своей работе — «Deutsche Weltpolitik 1890—1912» (Berlin. 1925), представляющей расширенное и дополненное издание первой, Хамман уже отказался от прежнего категорического утверждения, выступив соответствующими местами (см. S. 8—10).

цусского. Бисмарк это понял, приняв военные меры предосторожности (союз с Австрией... был заключён в том же 1879 году)»⁶.

Возникает вопрос: на какие факты опираются сторонники этой исторической версии и чем подтверждают они своё мнение? Все они — и Хамман, и Кёрлин⁷, и Гуч⁸, и отчасти Беккер⁹ — с разной степенью определённости (Хамман и Гуч, как нечто вполне достоверное, другие — с меньшей убеждённостью) говорят о русских предложениях союза Франции, сделанных будто бы летом 1879 года. При этом упоминаются даже конкретные персонажи, бравшие на себя выполнение этой миссии: генерал Обручев и в более общей форме — князь Горчаков.

Ниже специально будет рассмотрен вопрос о взаимоотношениях России и Франции в этот период. Здесь же со всей определёностью следует сказать, что эта версия о русских предложениях союза Франции представляет собой старую мистификацию, историческую легенду, созданную Бисмарком и ныне используемую некоторыми историками в спекулятивных целях.

Слух о русских предложениях союза Парижу и Риму родился летом 1879 г., в период резкого обострения русско-германских и русско-австрийских отношений. 8 сентября 1879 г. граф Андраши сообщил о нём германскому послу в Вене князю Рейссу¹⁰. Видимо, он вообще распространял этот слух, так как разговоры об этом дошли и до французского посла в Вене — Тессерен де Бора¹¹. Князь Рейсс в тот же день сообщил об услышанном в Берлин, а Бисмарк запросил германского посла в Париже князя Гогенлоэ. Последний телеграммой Бисмарку 10 сентября опроверг эти сведения: «Прямых предложений или просьб, касающихся франко-русского союза, сделано не было. Но возможны намёки в частных беседах между Ваддингтоном и русскими дипломатами»¹².

Несмотря на это вполне определённое заявление Гогенлоэ, Бисмарк использовал эти ложные, как он удостоверился, слухи в политических целях. Он пустил их в оборот, пугая ими кайзера Вильгельма¹³, и ссылался на них в переговорах с Россией, в частности в беседе с Орловым 1 октября 1879 г.¹⁴ и тогда же с Сабуровым¹⁵. Созданная Бисмарком легенда была подхвачена его клеветами. В сентябре 1880 г. она получила широкое распространение в связи с выступлениями бывшего вюртембергского министра Варнбюллера, в определённой форме утверждавшего, что сведения о русских предложениях Франции были переданы Бисмарку самим Ваддингтоном¹⁶.

Тогда же авторитетнейшие и наиболее осведомлённые представители обеих стран — России и Франции — категорически опровергли эти слухи, как лживые, совершенно не соответствующие фактам. Орлов в беседе с Бисмарком тут же назвал их баснями¹⁷. Александр II на своих донесения Сабурова, сообщавшего о тех же инсинуациях Бис-

⁶ Покровский М. «Русско-германские отношения», стр. 7.

⁷ Koerlin Kurt «Zur Vorgeschichte des Russisch-französischen Bündnisses 1871—1890». S. 30—52. Halle. 1926.

⁸ Гуч «История современной Европы», стр. 29. М. 1925.

⁹ Becker Otto «Bismarek und die Einkreisung Deutschlands», Bd. I, II. Berlin. 1923, 1925, см. V. I. S. 28—29.

¹⁰ «Grosse Politik der europäischen Kabinette». Bd. III, № 477, S. 81.

¹¹ «Documents diplomatiques français». Série I. V. II, № 46.

¹² «Grosse Politik». Bd. III. № 477.

¹³ Ibidem, № 482.

¹⁴ «Русско-германские отношения», стр. 89.

¹⁵ «Grosse Politik». Bd. III, № 515.

¹⁶ Hamman O. Op. cit., S. 18; De Chaudor d y «La France en 1889», p. 272—273. Paris 1889.

¹⁷ «Русско-германские отношения», стр. 89.

марка о русских предложениях Франции и Италии, написал: «где нет ни слова правды»¹⁸, Ваддингтон, со своей стороны, трижды публично опроверг эти слухи. В первом заявлении, 15 сентября 1880 г., в связи с выступлением Варнбюллера, Ваддингтон категорически утверждал, что на протяжении всего его руководства министерством между Францией и Россией не велись никакие переговоры и не было никаких предложений или проектов соглашения¹⁹. В данном через несколько дней (22 сентября) впервые Ваддингтон столь же твёрдо опроверг эти сообщения Варнбюллера: «Обыкновенно думают, и часто с основанием, что не бывает дыма без огня. Это не относится к данному случаю — здесь не было ни дыма, ни огня»²⁰.

Наконец, в 1888 г., в письме к директору «Матэн», подтверждая свои прежние заявления, Ваддингтон снова повторяет, что в период его руководства «никогда, ни в близкой, ни в отдалённой форме, не возникло вопроса о союзе между Францией и Россией» и что генерала Обручева, на которого ссылаются, он даже «не имел чести знать»²¹.

Позднее французские и русские историки, специально занимавшиеся этим периодом, никогда не подтверждали распространявшихся Бисмарком слухов. С. Д. Сказкин, первым выступивший с критикой взглядов Покровского в этом вопросе²², обследовал архивы министерства иностранных дел и не нашёл в них никаких подтверждений приписываемых России попыток добиться соглашения с Францией²³. В французской официальной публикации дипломатических документов (Doc. dipl. fr. v. II) также нет никаких следов русских предложений о союзе. Понятно, что такого рода документы не могли бы, быть пропущены во французской публикации. Прав французский историк и журналист Раймонд Рекули, который в своей вышедшей в 1932 г. работе о внешней политике Франции утверждает, что Франция в 70-х годах была ещё настолько слаба в военном отношении, что вообще не могла бы оказать России никакой серьёзной помощи²⁴.

Было ли, однако, что-либо, что могло дать пищу для первоначального возникновения этих слухов?

После Берлинского конгресса, в 1878 и 1879 гг., как известно, отношения России с Германией и Австрией носили крайне напряжённый характер. На страницах русской печати велась открытая кампания против Германии, и нередко раздавались голоса в пользу сближения с Францией. В марте 1879 г. французский посол в Петербурге генерал Лефло сообщил Ваддингтону: «Ввиду того, что отношения России с Германией и Австрией ухудшаются, умы поворачиваются в нашу сторону, и его величество, как мне кажется, склонен скрепить связи более дружественным соглашением с Францией»²⁵. Лефло в общем правильно оценил настроение Петербурга. Несмотря на враждебную России позицию, занятую Францией на Берлинском конгрессе (о чём опять-таки речь будет впереди), русское правительство готово было вернуться к прежним взаимоотношениям между Францией и Россией 1872—1878 гг., т. е. к отношениям дружественного контакта. В этом же был и смысл сказанной князем Горчаковым осенью 1879 г. в Бадене французскому корреспонденту фразы, ставшей почти стереотипной в его устах: «Надо, чтобы вы были сильными».

¹⁸ Сказкин С. «Конец австро-русско-германского союза». Т. I, стр. 115. М. 1928.

¹⁹ De Chaudordy. Op. cit, p. 270.

²⁰ Ibidem, p. 275.

²¹ Ibidem, p. 269—270.

²² Сказкин С. Указ. соч., стр. 103.

²³ Там же, стр. 108.

²⁴ Recouly R. «De Bismarck à Poincaré», p. 102. Paris. 1932.

²⁵ Doc. dipl. France. V. II. № 302.

Вот, собственно, и всё, что было. Никаких предложений о союзе от России не исходило, никаких поисков соглашения она не предпринимала. Впрочем, по самой природе франко-русских отношений самая возможность таких предложений со стороны России была исключена.

Легко видеть, как далеки были реальные факты от той легенды, которую сознательно сотворил Бисмарк. Попытка привлечь мистификацию Бисмарка для объяснения происхождения франко-русского союза должна быть решительно отвергнута.

Нельзя также признать сколько-нибудь правомерной и обоснованной попытку искать начальные корни франко-русского союза на почве восточного кризиса и его регулирования Берлинским конгрессом. Основные контуры франко-русских отношений обрисовались достаточно ясно не в 1878 г., а значительно раньше, и их определял не Берлинский конгресс, а Франкфуртский мир.

Сюда, к ситуации, созданной поражением Франции в войне с Германией, и следует обратиться, чтобы найти начало нигей, связавших двадцать лет спустя Францию и Россию союзным договором.

II

Франко-прусская война 1870—1871 гг. дала Франции ряд уроков серьёзнейшего длительного значения. Самые существенные из них касались вопросов большой стратегии, и в частности проблемы союзов, ставшей с этого времени главной и основной для внешней политики Франции.

Война 1870 г. доказала, что Франция уже не может вести войну с сильным противником один на один. Героические времена французской революции и периода Наполеона, когда Франция одна сражалась против могущественных европейских коалиций, остались позади. Тогда Барер, руководивший дипломатической комиссией Конвента, в связи с вступлением Испании в войну 1793 г., мог горделиво заявлять: «Ещё один лишний враг — ещё один повод к победе». В ту пору Франция одерживала победы над многочисленными врагами, так как она представляла собой исторически прогрессивную силу — рождающийся буржуазный строй, вступивший в ожесточённую схватку с реакционным феодально-абсолютистским режимом, господствовавшим в Европе.

Но с тех пор многое изменилось и в развитии самой Франции и в развитии Европы. Уже в период Второй империи даже те всегда сомнительные победы, которые одерживал Наполеон III, были достигнуты лишь в коалиционной войне Франции и её союзников — Англии в 1853—1856 гг., Пьемонта в 1859 г. — против одной державы.

В войне 1870 г. Франция впервые после революционных войн встретила в поединке с противником — Пруссией, — одна, без союзников. И война доказала неспособность Франции противостоять в единоборстве сильному европейскому государству. Из войны 1870 г. вытекала для Франции повелительная необходимость преодолеть международную изоляцию и сосредоточить усилия своей дипломатии на привлечении и завоевании союзников или хотя бы сколько-нибудь надёжной опоры в Европе.

Необходимость разрешения проблемы союзов вызывалась для Франции не только и не столько стремлением к возвращению потерянных провинций, к войне-реваншу (в 70-х годах об этом нечего было и говорить²⁶), сколько прямой опасностью новой агрессии со стороны Герма-

²⁶ Известно, что не только Жюль Фавр, Тьер и другие сторонники примирения с Германией, но и Гамбетта в 70-х годах считал невозможной для Франции новую войну против Германии. Знаменитая формула Гамбетты: «Всегда об этом думать, никогда не говорить» — была, в сущности, горестным признанием практической невозможности осуществления реванша в близком будущем.

нии. В 70-х годах эта опасность была главной для Франции. Франкфуртский мир не устранил опасности возобновления германской агрессии. Уже на другой день после подписания Франкфуртского договора Бисмарк снова заговорил с Францией угрожающим языком²⁷.

Характеризуя ситуацию, создавшуюся после заключения мирного договора во Франкфурте, Аното правильно определил её следующей формулой: «Мир был подписан, но мир не был установлен»²⁸.

Чем быстрее Франция оправлялась от понесённого поражения, чем быстрее восстанавливались её хозяйство, финансы, её военная сила, тем всё более зловещим и вызывающим становился язык Берлина. «Враждебность Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой»²⁹, — писал Бисмарк в 1872 г. в директивном письме к германскому послу в Париже графу Арниму.

Германия делала всё возможное, чтобы задержать восстановление Францией её сил. В 1872 г. Германия пыталась грубыми угрозами заставить французское правительство отказаться от введения закона о воинской повинности. Она была крайне придирчивой при рассмотрении вопросов о выплате Францией контрибуции. В инструкции Арниму Бисмарк подчёркивал, что стабилизация политического режима во Франции прямо противоречит германским интересам. Но так как Франция всё-таки восстанавливала свои силы, и восстанавливала их быстрее даже, чем рассчитывал Бисмарк, то канцлер снова стал на путь провоцирования конфликтов с Францией.

Бисмарк провоцировал эти конфликты последовательно — в 1872, 1873, 1874, 1875 годах. Он находил всякий раз новые поводы для разжигания столкновений. В апреле — мае 1872 г. он использовал как повод французский закон о военной службе. Осенью 1873 г. он усмотрел опасность для Германии в пропаганде французских католиков. В январе 1874 г. он вновь использовал этот повод. В начале 1875 г. инспирированная им печать измыслила легенду о подготовке Франции к войне. Острота этих конфликтов усиливалась в возрастающей прогрессии.

В действительности Бисмарка не страшили ни пропаганда французских епископов, ни усилия Франции восстановить свою военную мощь. В то время когда Берлин выражал крайнее раздражение и недовольство военными мерами Франции, изображая их как серьёзную опасность для Германии, Бисмарк получал от Арнима вполне успокоительные заверения о том, что, по наблюдениям его советников, «французская армия в течение ближайших лет не будет в состоянии вести против нас даже самую короткую войну»³⁰. Военные мероприятия Франции, не внушая ни Бисмарку, ни Мольтке действительных опасений, были им даже наруку, давая удобный материал для инсценировки возмущения мнимой угрозой реванша.

Но было нечто, что порождало у Бисмарка действительную тревогу и постоянно его озабочивало: это — опасение, что Франция найдёт себе союзников — «кошмар коалиций», преследовавший его, как он признавался Шувалову.

«До тех пор, пока Франция не будет иметь союзников, нам нечего её бояться»³¹, — откровенно разъяснял Бисмарк свой взгляд на французскую проблему Арниму.

Бисмарк с достаточной прозорливостью разглядел, что опасность

²⁷ Уже 16 июня 1871 г. Бисмарк грозил Ж. Фаэру возобновлением военных действий. См. Напотаух Г. «Histoire de la France contemporaine». V. I, p. 247.

²⁸ Ibidem, p. 285.

²⁹ Hippreau E. «Histoire diplomatique de la Troisième République, 1870—1889». p. 88. Paris. 1889.

³⁰ Hippreau E. Op. cit. V. II, p. 95.

³¹ Ibidem, p. 90.

образования блока, способного ограничить германские агрессивные поползновения, исходит прежде всего от Франции и России. Что Франция должна стремиться к сближению с Россией, в этом у Бисмарка не было ни малейшего сомнения. Предотвратить франко-русское сближение, не допустить самой возможности франко-русского союза стало для него главной и безотлагательной задачей.

Бисмарк допускал также возможность сближения между побеждёнными при Седане и Садовой — Францией и Австрией. Вся дипломатическая деятельность Бисмарка с первых же дней после подписания Франкфуртского мира была подчинена задаче сохранения Франции в состоянии изоляции, предотвращения её сближения с Россией и Австро-Венгрией. В этом был главный смысл созданного Бисмарком союза трёх императоров. Из опасения, что монархической Франции будет легче сговориться с Петербургом и Веней, Бисмарк стремился к сохранению республиканского режима во Франции и не скрывал своего враждебного отношения к планам французских монархистов восстановить трон Бурбонов.

Но что будущность Франции зависит от разрешения проблемы союзов,—это в Париже понимали, конечно, не хуже, чем в Берлине. Восстановление хозяйства страны, стабилизация политического режима, создание модернизированной постоянной армии — всё это само по себе ещё не гарантировало от повторения 1870 года. Политические руководители Франции тех лет, лидеры различных партийных группировок понимали это вполне отчётливо. При обсуждении военной реформы 1872 г., которая должна была дать Франции армию в 864 тыс. человек, Тьер указывал, что даже при наличии этой армии, близкой к миллиону, война без союзников была бы для Франции безрассудной. Гамбетта также утверждал, что с восстановленными военными силами Франции легче будет найти союзников. Необходимость привлечения с союзников вполне понимали и политики монархистского направления — Деказ, Шодорди и др.

Но где могла республиканская Франция, ослабленная войной, униженная во Франкфурте, раздираемая внутривнутриполитической борьбой, найти эффективную поддержку? Кто мог бы стать её опорой в сопротивлении нажиму Германии, продолжающей держать над ней занесённый меч?

Этот вопрос вставал во весь рост перед руководителями французской дипломатии.

Из числа возможных союзников или доброжелателей Франции, на которых рассчитывал, без сколько-нибудь, впрочем, реальных оснований, герцог Грамон накануне франко-прусской войны, ни один в действительности не оказался её партнёром. Австрия не поддержала Францию, Италия также осталась в стороне от борьбы. Ожидать крутого изменения их политики теперь не приходилось. Дружеские связи правительства Тьера с папой исключали возможность сближения с Италией. Австрия после ухода Бейста шла в фарватере политики Бисмарка. Гамбетта одно время надеялся привлечь её к Франции, но должен был отказаться от этого плана, убедившись в его иллюзорности. Оставались Англия и Россия.

К Англии французские политические руководители и дипломаты относились с большим вниманием и предупредительностью. При решении всех больших вопросов во внимание принималась возможная позиция Англии, и с мнением Лондона очень считались. Получить поддержку Англии считалось весьма желательным. К тому же во Франции в правящих и влиятельных кругах всегда существовала определённая группа, в разное время складывавшаяся из разных элементов, так называемая «английская партия», которая, по мотивам экономических

или иных интересов, ориентировалась на Лондон, пропагандировала «проанглийский» курс, как якобы наиболее соответствующий интересам Франции. Но решающим при определении взаимоотношений между западными державами были более важные и реальные факторы. У Франции с Англией были в прошлом долголетние распри; нетрудно было предвидеть в будущем возникновение новых споров, в частности на почве колониального соперничества. В то время успехи немцев сравнительно мало трогали англичан: не считая Германию в ту пору ещё сколько-нибудь серьёзным соперником Англии, либеральное правительство Гладстона относилось к создавшейся на континенте новой ситуации достаточно равнодушно. Французская дипломатическая публицистика с некоторой меланхоличностью признавала, что Гладстон не изменит манчестерскому принципу невмешательства в пользу Франции³². Не теряя из виду Англии и не отказываясь от мысли наладить с ней контакт в дальнейшем, французская дипломатия должна была примириться с тем, что на ближайшее время поддержку Англии рассчитывать не приходится.

Добиться дружеского расположения и поддержки России, на первый взгляд, могло казаться ещё труднее. Во время войны 1870 г. позиция русского правительства, как известно, была благоприятной для Пруссии. Серьёзным препятствием на пути к сближению было различие в формах политической власти: неискоренимая враждебность петербургского двора к республиканскому строю правления могла казаться непреодолимой преградой. Шансы Франции понижались также её военной слабостью в результате неудачной войны. Россия же, напротив, во время событий 1870—1871 гг. полностью восстановила свой поколебленный Крымской войной престиж и авторитет в Европе. Генерал Лефлю, французский посол в Петербурге, в донесении в Париж 3 сентября 1871 г. пессимистически писал: «Нет, Россия не готова, я настаиваю на этом слове, не расположена с нами соединиться сегодня... ибо для того, чтобы с нами объединиться, нужно чтобы мы снова представляли собой реальную силу»³³.

И всё-таки французская дипломатия пошла по этому, казалось, наиболее трудному пути. Руководители французской внешней политики уже на другой день после Франкфуртского мира поняли, что главное усилие французской дипломатии должно быть направлено на политику завоевания доверия и расположения России и приобретения её поддержки.

Уже 7 июня 1871 г. Жюль Фавр в пространным инструктивном письме генералу Лефлю ориентирует посла именно в этом направлении. Жюль Фавр развёртывает широкую аргументацию. Он подробно останавливается на истории франко-русских отношений, изображая позицию Франции в выгодном свете и давая понять, что ни в прошлом, ни в настоящем между Францией и Россией не было и нет реальных противоречий. Он обращает особое внимание на вопрос о русско-германских отношениях. Фавр разъясняет французскому послу, что сближение России и Германии таит в себе противоречия, что нельзя не предвидеть, что дальнейшее развитие Германской империи и направление её политики будут в будущем угрожать безопасности России и её интересам. Французская дипломатия должна использовать эти противоречия. Для французов, инструктирует далее посла Фавр, не остались также незамеченными внимание и доброе расположение, проявленные к ним императором Александром II: «Вы должны поблагодарить за них императора так, чтобы ему было

³² Hippreau E. Op. cit.

³³ Buchler F. «Das Verhältnis Frankreichs zu Russland 1871—78», S. 20. Aarau.

вполне ясно, что мы сумели оценить всё их значение, и вы должны направить свои усилия повсюду вокруг вас, чтобы их полностью сохранить. Время сделает всё остальное»³⁴.

Тьер, который ревностно старался наладить добрососедские отношения с Германией и больше всего боялся вызвать раздражение Бисмарка, также понимал всю важность для Франции приобретения поддержки России и соответственным образом, хотя и со множеством оговорок, инструктировал того же Леффло³⁵.

Французское политическое руководство сумело правильно оценить значение таких факторов, как отсутствие между Францией и Россией сколько-нибудь существенных реальных противоречий и вероятность ухудшения в дальнейшем отношений между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией — с другой. Взяв курс на сближение с Россией, оно рассчитывало использовать эти факторы в благоприятном для Франции направлении. Эти расчёты французского правительства оказались правильными.

Во время берлинского свидания трёх императоров в сентябре 1872 г. Бисмарк пытался заручиться поддержкой России и Австро-Венгрии против Франции. Это ему не удалось. Более того, князь Горчаков, имевший во время сентябрьского свидания беседу с Гонтон-Бироном, дал ясно понять французскому послу, что Россия не поддерживает агрессивных намерений Германии против Франции. «Будьте уверены и уверьте господина Тьера, — сказал Горчаков, — если вы выполните ваши обязательства, к вам ничего не может быть больше предъявлено. Говорят о вашей армии и её организации. По этому вопросу Германия не имеет права предъявлять вам никаких требований. Делайте то, что вы считаете нужным, и вы будете правы». И в заключение Горчаков особо доверительно добавил Гонтон-Бирону: «Надо, чтобы Франция была сильной и мудрой. Надо, чтобы она была сильной, дабы играть в мире роль, которая ей назначена»³⁶.

Это заявление Горчакова было весьма многозначительным. Франция знала теперь, что в лице России она может найти силу, способную обуздать агрессивные намерения Германии Бисмарка и Мольтке.

Тьер, боясь вызвать недовольство Бисмарка, недостаточно использовал возможности, открывавшиеся этим заявлением Горчакова. Но в мае 1873 г. Тьер ушёл, а поведение Берлина с осени того же года стало в такой степени вызывающим, что Франция вновь должна была обратиться к России за поддержкой.

Новый (с декабря 1873 г.) министр иностранных дел, герцог Деказ, в полной мере отдал себе отчёт в значении для Франции дружественной поддержки России. В сложной обстановке возрастающего нажима со стороны Германии Деказ избрал двойственную тактику. С одной стороны, он проявлял большую гибкость и уступчивость в переговорах с Германией, стараясь лишить Бисмарка возможных поводов для провоцирования столкновения. Канцлера это сердило: он отзывался о Деказе не без раздражения: «Деказ — это шар. Я хочу его уколоть, он катится, я не могу в него попасть»³⁷. С другой стороны, понимая, что без поддержки извне Франция останется беззащитной перед лицом германской агрессии, Деказ значительно усилил старания добиться дружественного расположения России. В соответствующем духе он инструктировал и генерала Леффло; в этих же целях в Петербург был послан со специальной миссией Гонтон-Бирон.

Из бесед с Александром II и Горчаковым Леффло вынес впечатление, что несмотря на участие царя в союзе трёх императоров петер-

³⁴ «Doc. dipl. fr.». V. I, № 21.

³⁵ Ibidem, № 54.

³⁶ Hanotaux G. Op. cit. V. I, p. 501.

³⁷ Ibidem, V. II, p. 391.

бургский кабинет сохраняет к Франции дружеские чувства. В декабре 1873 г. Горчаков говорил французскому послу: «Мы хотели бы — и мы сохраняем на это надежду, — чтобы (Франция) в возможно более скором времени возвратила себе то большое место в Европе, которое ей законно принадлежит»³⁸. В тревожную пору, когда германская угроза Франции казалась непосредственной, Александр II дал французскому послу успокоительное заверение³⁹. Генерал Лефло в донесении Деказу 11 февраля 1874 г., говоря о возможности нападения Германии на Францию, имел основание писать: «В этом случае (конфликта между Германией и Францией. — А. М.) я верю, что мы можем рассчитывать на дружеское вмешательство России, вмешательство, конечно, тайное и чисто дипломатическое, но такое, что заставит задуматься нашего врага и окажет нам значительную моральную поддержку»⁴⁰.

Позиция русского правительства по отношению к Франции определялась правильно понятыми государственными интересами России. Горчаков ещё ранее превосходно учёл, что дальнейший рост германской мощи в Европе и окончательное сокрушение Франции победоносной Германией отнюдь не соответствуют интересам России. В лице Франции создавался естественный противовес Германии, и усиление Франции означало возрастание сил противодействующих германским стремлениям к гегемонии.

Все попытки Бисмарка добиться внутри союза трёх императоров поддержки Россией агрессивных планов Германии против Франции неизменно наталкивались на упорное сопротивление Горчакова. Выражение дружеских чувств к Франции, почти афишируемое проявление особого расположения царя к французскому послу генералу Лефло, — словом, вся та поддержка, которую Россия в 1872—1874 гг. оказывала Франции, удерживала Бисмарка от выполнения его агрессивных намерений, отвращала от Франции германские удары и тем самым давала ей необходимое время для восстановления своих сил.

И когда в 1875 г. Бисмарк разыгрывал новый вариант провокационной игры, которая должна была развязать ему руки для нанесения решающего удара Франции, оказалось уже вполне естественным, что французское правительство сразу обратилось за помощью в Петербург, и Петербург ему тут же оказал необходимую поддержку.

Ещё в середине апреля, в период обострения франко-германского конфликта, Александр и Горчаков, в ответ на ряд представлений Лефло о германской опасности, дали французскому правительству ответственное заверение в дружественности позиции России. «Не тревожьтесь, мой дорогой генерал, — сказал Александр II Лефло, — успокойте ваше правительство и скажите ему, что я надеюсь, что наши отношения останутся такими же, как сегодня, хорошими и сердечными... У наших обеих стран общие интересы, и если, чему я не хочу верить, вы подвергнетесь однажды опасности, вы это узнаете очень быстро, вы это узнаете от меня»⁴¹. Это заявление Александра, соответственно комментированное Горчаковым, что подчёркивало его важность, весьма приободрило французское правительство.

Но в конце апреля военная тревога, шедшая, казалось, уже на убыль, как известно, вступила в новую, ещё более острую фазу.

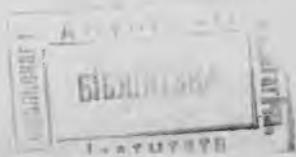
Деказ, убедившись (из беседы Гонто-Бирона с Радовицем 21 апреля, из донесения дипломатических агентов, из собственных переговоров с германским послом Гогенлоэ и т. п.) в возрастании агрессивной активности Германии, вновь забил тревогу. Сохраняя и даже афиши-

³⁸ Doc. dipl. fr. V. I. № 247.

³⁹ Ibidem, № 278.

⁴⁰ Buchler F. Op. cit., S. 25.

⁴¹ «Doc. dipl. fr.». V. I. № 388, 393.

руя миролюбие Франции, он заявил в беседе с Гогенлоэ 28 апреля, что «посоветует маршалу (Мак-Магону) и правительству отступить на Луару и ожидать, не произведя ни одного выстрела, пока справедливость Европы или бога не обернётся против вас»⁴², — и в то же время дал знать в европейские столицы о воинственных намерениях Германии. Но главные надежды он попрежнему возлагал на Россию. 29 апреля Деказ продиктовал Альберу Сорелю, будущему знаменитому историку, работавшему в то время у него секретарём, пространное послание в Петербург. Через посредство французского посла он обращался к русскому царю, как «истинному арбитру европейского мира», с открытым и официальным призывом о помощи⁴³. Одновременно и Орлов в донесении князю Горчакову от того же 29 апреля сообщал, что «в настоящее время французское правительство возлагает все надежды на нашего августейшего монарха»⁴⁴. Вслед за ним и президент республики Мак-Магон формально обратился к России с просьбой о помощи.

7 мая Мак-Магон имел беседу с русским послом Орловым. Донося о ней русскому правительству, Орлов так излагал просьбу президента: «Герцог Маджента все свои надежды возлагает на миролюбивое вмешательство нашего августейшего монарха. Он не требует ни арбитража, ни посредничества. Он поручает Францию покровительству императора»⁴⁵.

Эти призывы о помощи были услышаны в Петербурге. Французский посол получил новые успокоительные заверения. Ещё ранее, 21 апреля, Александр в беседе с генералом Вердером, германским военным атташе, сообщил ему, что он, царь, заверил обеспокоенного французского посла в мирных намерениях Берлина. Это было предостережением Германии. Через посредство Шувалова был установлен контакт с английским правительством. Наконец, в Берлине, где проездом должны были остановиться Александр и Горчаков, должно было разыгаться финальное действие.

Французы даже не рассчитывали, не могли надеяться на такую решительность и определённую поддержку России. «Мы достигли крупного, можно сказать, непредвиденного результата»⁴⁶, — восторженно писал Лефлю в Париж.

10 мая Александр и Горчаков прибыли в германскую столицу. Как известно, их приезд имел решающее значение для исхода всего кризиса. Бисмарк отступил по всему фронту. В беседе с царём и Горчаковым германский канцлер, как известно, уверял, что Германия и не помышляла о нападении, что никакой военной тревоги не было, что всё это является вымыслом биржевиков и других заинтересованных лиц.

Цель была достигнута. Александр после беседы с Бисмарком мог с полным основанием сообщить Гонто-Бирону, что военная тревога миновала⁴⁷.

Серьёзная опасность, угрожавшая Франции в 1875 г., была преодолена.

Что же спасло Францию?

⁴² H a n o t a u x G. Op. cit., V. III, p. 256—259; ср. «Сг. Politik»: Bd. I, № 169. Гогенлоэ передаёт это заявление Деказа об отказе Франции драться в ещё более категорической форме. Деказ будто бы сказал ему: «Делайте, что хотите. Забирайте Бельгию, Голландию, Люксембург, нам всё равно; мы не будем драться».

⁴³ «Doc. dipl. fr.», № 404; H a n o t a u x G. Op. cit., V. III, p. 251—256, «Grosse Politik», Bd. I, S. 265.

⁴⁴ «Красный архив», Т. 91 (6), 1938, стр. 125.

⁴⁵ Там же, стр. 129.

⁴⁶ «Doc. dipl. fr.», V. I, № 404.

⁴⁷ Ibidem, № 416, 419.

В исторической литературе⁴⁸ общераспространённым является мнение, что решающая роль в ликвидации военной тревоги 1875 г. принадлежала России и Англии. Такое мнение надо признать верным в общей форме. Однако оно не выясняет вопрос до конца, не раскрывает, какая же именно из двух названных держав сыграла главную, решающую роль в обуздании германской агрессии против Франции в 1875 году.

Здесь лучше всего обратиться к высказываниям самих французских политических деятелей.

По окончании кризиса руководители французского правительства обратились с выражением благодарности в Петербург и Лондон. Президент республики Мак-Магон обратился со специальным посланием к Александру, в котором от имени Франции приносил свою глубокую признательность. Деказ через Лефло в ещё более пылкой форме выражал те же чувства. Через французского посла в Лондоне Говара Деказ принёс благодарность и английскому правительству — лорду Дерби.

Но гораздо существеннее для понимания оценки событий этого времени французскими государственными руководителями являются не официальные выражения благодарности, а те мнения, которыми они обменивались в своём кругу.

Один из самых активных и наиболее осведомлённых участников дипломатической борьбы 1875 г. Гонто-Бирон, тут же, после ликвидации конфликта, в частном письме Деказу писал: «Слава богу, мы вышли из этого ужасного кризиса. Мы вышли из него намного лучше, чем я надеялся, и этим мы, конечно, обязаны русскому императору»⁴⁹.

Так же расценивал роль России и сам Деказ. В числе многих документальных свидетельств этого мнения французского министра иностранных дел наибольший интерес имеет его письмо от 14 мая 1875 г. к маркизу Гаркуру, французскому послу в Вене. Гаркур должен был вскоре занять пост посла в Лондоне, и естественно, что Деказ в письменной беседе с этим корреспондентом уделяет большое внимание Англии. В частности Деказ даёт здесь вполне откровенную сравнительную оценку роли Англии и России в только что преодоленном франко-германском конфликте. Сообщая Гаркуру о том, что Александр телеграммой дал знать своим представителям о том, что всякая опасность войны исчезла, Деказ пишет: «Он имел на это несомненное право, так как наступившее успокоение — дело его рук. Мы не должны говорить это слишком громко или в выражениях, которые могли бы ранить Англию. Но мы не должны забывать и игнорировать того, что только после приезда Шувалова и по его настоянию лорд Дерби обратился в Рим и Вену с приглашением этих двух дворов присоединиться к демаршу императора Александра»⁵⁰. И дальше, подчёркивая важность установления дружественного контакта с Англией и желательность сближения Англии с Россией, Деказ в сжатой форме высказывает обобщающую мысль, звучащую, как предупреждение будущему послу: «Я упорствую в том, что на неё (на Англию. — А. М.) мы можем рассчитывать меньше, чем на Россию»⁵¹.

Эти откровенные, не рассчитанные на посторонних слушателей высказывания Деказа (как и Гонто-Бирона) дают вполне ясное представление о том, как французские политические руководители оценивали роль России во время военной тревоги 1875 года.

Деказ, и ранее понимавший всю важность для национальных интересов Франции тесного сотрудничества с Россией, после уроков 1875 г. ещё более укрепился в этом мнении. Тогда, как установив-

⁴⁸ За исключением многих немецких авторов, которые, следуя за лживой версией Бисмарка, вообще отрицают самый факт агрессивных намерений Германии в 1875 году.

⁴⁹ Hanotaux G. Op. cit. V. III, p. 275.

⁵⁰ Ibidem, p. 280.

⁵¹ Ibidem, p. 281.

шиеся весной 1875 г. дружественные отношения с Англией уже с осени этого года осложнились трениями на почве соперничества обеих держав в Египте⁵², франко-русские отношения принимали всё более дружественный характер.

Деказ последовательно и убеждённо проводил «русский курс». Французские национальные интересы требовали сотрудничества с Россией. Когда с того же, 1875 г. на авансцену европейской политической жизни стал выдвигаться восточный вопрос, французское внешнеполитическое руководство тех лет решило, что французские интересы требуют, чтобы и в этом вопросе французская дипломатия шла об руку с русской.

Какова же должна была быть конечная цель этого настойчивого стремления французской дипломатии к укреплению сотрудничества Франции с Россией?

Это раскрыл со всей ясностью в одном из писем к Деказу генерал Лефло, человек, стоявший в центре сложной политической практики франко-русского сближения. В 1876 г., обсуждая вопрос об отношении Франции к русской политике в восточном вопросе, французский посол в Петербурге писал своему министру иностранных дел: «Для нас это может быть решающий момент... Мы должны поддерживать Россию — и крепко, определённо, без всяких экивоков. Действуя так, мы дадим ей удовлетворение, уверим её в нашей признательности и тем самым установим первую значительную веху на пути к союзу, единственному, на который мы можем рассчитывать»⁵³.

Даже такое беглое рассмотрение развития франко-русских отношений в первой половине 70-х годов с достаточной очевидностью выясняет, на наш взгляд, вопрос о происхождении франко-русского союза. Факты показывают, что исследование истоков франко-русского союза должно быть перенесено на более раннее время, чем 1879 год, — сакраментальная дата мнимых русских предложений о союзе — и что самые эти истоки нужно искать не в мифических переговорах, а в реальных явлениях длительного сотрудничества двух держав, сотрудничества, порождённого исторической необходимостью, по крайней мере, для Франции.

Вот когда побеждённая, полностью изолированная, подвергавшаяся угрозе новой германской агрессии, Франция стала искать поддержки России, когда Деказ и Мак-Магон стучались в двери русского дома с просьбой о помощи и когда они эту помощь получили, тогда и сложились основные контуры франко-русских отношений и франко-русского сотрудничества, которое, по мысли французских политических руководителей, должно было в конечном счёте завершиться и формальным союзом.

Это значит, иными словами, что франко-русский союз в своей самой начальной стадии первого сближения, а затем сотрудничества двух держав произошёл из стремления слабой и изолированной Франции найти у России поддержку против угрожавшей ей германской агрессии. Необходимой предпосылкой для самой возможности сотрудничества на этой почве было то, что между Россией и Францией не существовало серьёзных реальных противоречий.

Отбросив, как несостоятельную, теорию о происхождении франко-русского союза из восточного вопроса, мы должны, естественно, отвергнуть и те хронологические границы предистории союза 1879—1891 гг., которые предлагают сторонники этой теории.

⁵² В ноябре 1875 г. Дизраэли скупил принадлежавшие египетскому хедиву акции займа и тем самым значительно усилил позицию Англии в Египте.

⁵³ «Doc. dipl. fr.», V. II. № 80. Разрядка моя. — А. М.

Эрнест Доде, за тридцать с лишком лет до Мишона писавший на эту же тему, обнаружил гораздо большее историческое понимание, начав изложение предистории франко-русского союза с 1873 года⁵⁴.

Предисторию франко-русского союза нужно датировать с того времени, как Франция ощутила потребность и жизненную необходимость в поддержке со стороны иной державы, и когда эта поддержка ей была оказана. Если так подойти к этому вопросу, то здесь, естественно, устанавливается и начальный хронологический рубеж — 1872—1873 годы.

III

В последующие годы, до 1877 включительно, отношения между Францией и Россией сохраняли характер того же дружественного сотрудничества. Попытки Бисмарка добиться от России в 1876 г. гарантирования Эльзас-Лотарингии в обмен за безоговорочную поддержку русской политики на востоке («следовать за вами в огонь и в воду»), как об этом позднее рассказывал сам Бисмарк⁵⁵, остались безуспешными. Франция, со своей стороны, оказывала поддержку русской политике на Ближнем Востоке. В секретной инструкции французским делегатам на Константинопольской конференции послов 1876 г. Деказ предписывал им полностью поддерживать русские требования⁵⁶. «Вы пойдёте вместе с русскими», — кратко сформулировал директиву французским представителям президент Мак-Магон⁵⁷.

В 1877 г., когда Бисмарк пытался вызвать новый конфликт с Францией, позиция России попрежнему оставалась дружественной Франции.

Но с конца 1877 г. в отношениях между Францией и Россией наметился поворот. Осенью этого года во внутреннем и внешнеполитическом руководстве Франции произошли существенные перемены.

Провал попыток реакционного переворота Мак-Магона («кризис 16 мая 1877 г.») привёл к власти буржуазных республиканцев. Но на смену монархистско-клерикальным элементам пришли не демократические слои республиканской партии, а наиболее правое и консервативное крыло буржуазных республиканцев, так называемый «левый центр». Эта правая фракция республиканцев, связанная с банковскими кругами и крупнособственническими элементами, ещё ранее выступала с критикой внешней политики Деказа. Тьер, остававшийся до своей смерти (1877) лидером этой группы, обвинял Деказа в том, что тот своей прорусской политикой вызывает недовольство и раздражение Бисмарка и тем самым способствует ухудшению отношений с Германией. Тьер и другие лидеры «левого центра», в 1870—1871 гг. стоявшие на капитулянтских позициях и взявшие на себя с французской стороны ответственность за Франкфуртский мир, сохраняя последовательность в этой, по существу, антинациональной политике, старались и в 70-х годах добиться дружеского примирения с Германией. Тьер незадолго до смерти (в 1877 г.) даже составил план свержения Деказа и замены его Жюль-Симоном. Но после «16 мая» и последующих событий в этом не было больше надобности. Деказ, тесно связанный с монархистско-клерикальными элементами, после их поражения должен был уйти со своего поста. Министром иностранных дел — сначала в кабинете Дюфора, а затем в своём собственном — с конца 1877 г. по 1880 г. стал Анри Ваддингтон.

Историки внешней политики Франции уделяли большое внимание личной биографии Ваддингтона. Придавая значение — одни — его английскому происхождению, другие — его прошлому нумизмата и археолога, третьи — его психологическим особенностям, — они склонны

⁵⁴ См. Daudet E. «Histoire diplomatique de l'Alliance franco-russe». Paris. 1895.

⁵⁵ «Русско-германские отношения», стр. 72—75; «Grosse Politik». Bd. III. № 455. S. 28 ff. Бисмарк, кстати, излагает всё это далеко не точно.

⁵⁶ «Doc. dipl. fr.». V. II, № 115.

⁵⁷ Daudet E. Op. cit., p. 69.

были искать в этих биографических подробностях объяснение политики нового министра иностранных дел. Но новый внешнеполитический курс Франции с конца 1877 г. не был личной политикой Ваддингтона, хотя и носил некоторый индивидуальный отпечаток руководителя внешней политики Франции.

Основная черта этого курса заключалась в том, что он определялся особыми, эгоистическими расчётами верхних слоёв буржуазии — финансовых групп в первую очередь. Эта часть буржуазии руководствовалась заботой о своём дальнейшем обогащении и связывала его с колониальной экспансией и укреплением позиций французского капитала в зарубежных странах вообще и на Ближнем Востоке в частности. Этим корыстным расчётам она в значительной мере подчиняла внешнюю политику республики.

Так началась новая фаза — фаза охлаждения франко-русских отношений, связанная прежде всего с именем Ваддингтона.

Уже в одном из первых документов, составленных Ваддингтоном по вступлении на пост министра иностранных дел, в письме в Петербург генералу Лефлю 31 декабря 1877 г.⁵⁸, он дал новую формулу внешнеполитических связей республики: «Франция остаётся верной чувству дружбы к двум державам»⁵⁹, под которыми он подразумевает Россию и Англию. При крайней остроте англо-русских противоречий в 1877—1878 гг. такое новое, подчёркнуто равномерное разделение дружбы между двумя соперниками звучало по меньшей мере двусмысленно. Подлинный смысл этого нового курса очень скоро стал проясняться. Открытая ревизия «русской политики» иредыущих лет сопровождалась требованием сближения с Германией и Англией. Близкий к правительственным кругам «Журналь де деба» резко критиковал политику Деказа за то, что она «возбудила подозрение Германии, парализовала инициативу Англии и придала смелость России»⁶⁰. Некоторое время спустя, накануне Берлинского конгресса, «Журналь де деба» выражался ещё более определённо и ясно: он приветствовал освобождение от иллюзий франко-русского союза, ради которого Франция якобы пожертвовала своими кровными интересами на Востоке»⁶¹.

На Берлинском конгрессе 1878 г. руководимая Ваддингтоном французская делегация, не имея собственной позитивной программы, добровольно взяла на себя роль услуживающей Англии, Германии и Австро-Венгрии. По всем большим вопросам она шла в хвосте английской делегации, также старательно стремясь услужить Германии и Австрии. Французская делегация не только не поддерживала Россию, не только приспешничала англичанам и немцам, но и сама создавала затруднения для России. Так, вынужденная вместе со всеми державами голосовать за возврат Бессарабии России, французская делегация обусловила это требованием компенсации Румынии на Чёрном море для того, чтобы создать нейтральную зону между Россией и Болгарией. Ваддингтон утверждал, что в интересах Европы «сохранить Россию отдалённой достаточно широкой зоной от Болгарии, чтобы предотвратить неприятности от их постоянного контакта»⁶². Даже единственный, поставленный по собственной инициативе Франции вопрос — греческий — был подан в ярко выраженной антирусской интерпретации⁶³.

⁵⁸ То есть через две недели после прихода Ваддингтона в министерство иностранных дел.

⁵⁹ «Doc. dipl. fr.», V. II, № 223.

⁶⁰ Цит. по Buchler F. Op. cit., S. 88.

⁶¹ Ibidem, S. 90—92.

⁶² «Doc. dipl. fr.», V. II, № 322.

⁶³ «Последняя война создала для восточных славян позиции столь сильные и угрожающие остальному населению этой местности, — заявлял Ваддингтон, — что остальные державы, за исключением России, как будто начинают понимать необходимость укрепления, насколько возможно, греческого королевства» (там же).

Но, отплатив России чёрной неблагодарностью за поддержку Франции в прежние годы, выслуживаясь перед Дизраэли и Бисмарком, Ваддингтон, в свою очередь, был «вознаграждён» унижением и прямым ущемлением интересов Франции со стороны его новых друзей и покровителей. Передача Англии Кипра, санкционированная конгрессом, была прямо по интересам Франции. Переход этого важного форпоста в зоне Суэцкого канала в руки Англии давал ей существенные преимущества в её конкурентной борьбе против Франции за Египет. Ваддингтон по необходимости должен был с этим примириться. Он удовлетворился тем, что, забыв о данном накануне конгресса заверении сохранить руки Франции «незапятнанными», жадно схватился за брошенную ему англичанами кость—обещание не препятствовать овладению Тунисом. Но в своей дипломатической неловкости он не сумел заручиться даже связывающим Солсбери документом. Ничего реального не получил он и от Бисмарка, кроме нескольких поощрительных замечаний о Тунисе, который канцлер, впрочем, одновременно предлагал и конкурентам Франции — итальянцам.

Внешняя политика Франции, начав с конца 1877 г. уклоняться от пути сближения с Россией, находилась в течение некоторого времени на распутье.

Как только что было показано, на конгрессе Франция пошла с Англией, Германией и Австрией против России. Но так как результаты конгресса оказались неудовлетворительными и для Франции, так как за первый опыт осуществлённого Ваддингтоном сотрудничества с Англией Франции пришлось расплатиться ослаблением своих позиций в восточной части Средиземноморского бассейна (о Кипр), то всё тот же вопрос — с кем идти? — оставался во всей остроте и после конгресса.

В Петербурге это превосходно понимали и трезво оценивали довольно жалкое положение Франции, в котором она очутилась после конгресса. Вот почему русское правительство, несмотря на нелояльность и, даже больше того, враждебность позиции Ваддингтона к России, будучи ещё в большей степени недовольно поведением Германии и Австрии, готово было сохранить и укрепить прежние дружественные отношения с Францией. К этому и сводился смысл тех сообщений генерала Лефло из Петербурга в марте 1879 г. и дружелюбных заявлений князя Горчакова представителям французской печати в том же 1879 г., о которых говорилось выше.

В этой мере сказалось и значение восточного вопроса в развитии франко-русских отношений, игравшего также известную и немалую роль, но отнюдь не явившегося исходным началом и всеопределяющим фактором в франко-русском сближении, как это изображали названные выше иностранные историки.

Возможность овладения Тунисом, казавшаяся Ваддингтону столь близкой в последние дни Берлинского конгресса и отдалившаяся уже через месяц после него вследствие дипломатических затруднений, сооружаемых Италией и Англией, продолжала распалать воображение руководителей французской внешней политики и стоящей за ними французской plutократии.

Бисмарк не только поддерживал, но и усиленно поощрял эти французские устремления; он прямо подталкивал Францию на активные действия в Тунисе⁶⁴. В 1880 г. он готов был оказать самое широкое

⁶⁴ «Grosse Politik». Bd. II. №№ 655, 656, 657; «Doc. dipl. fr.», особенно № 369. Сен-Валье Ваддингтону 5 января 1879 г., где первый воспроизводит известные слова Бисмарка, сказанные французскому послу: «Тунисская груша созрела, и наступило время для вас сорвать её».

содействие французской инициативе в колониальных предприятиях, вплоть до проекта Транссахарской железнодорожной магистрали⁶⁵.

В Берлине по отношению к новому французскому послу Сен-Валье был усвоен тон самого дружественного внимания и предупредительности⁶⁶. В то же время Бисмарк всячески пытался увеличить расхождения между Францией и Россией. Недоброжелательное освещение русской политики и намерений русского правительства стало излюбленной темой бесед канцлера с французским послом. Отчуждение Франции от России было оборотной стороной той политики «соседской дружбы», включающей поддержку французских колониальных предприятий, которую канцлер предлагал Франции.

Но то, что эта германская дружба предоставлялась Франции отнюдь не безвозмездно, не представляло сомнений ни для кого. Первой платой за поддержку Германии должно было быть отречение Франции от завоеванных немцами французских провинций. Бисмарк высказал это со всей определённою в директивном письме Гогенлоэ 8 апреля 1880 года⁶⁷. Достаточно ясно он давал это понять и в своих переговорах с представителями Франции. Иные цели, которые преследовал Бисмарк, предлагая Франции руку помощи в её колониальных делах, могли обнаружиться лишь позднее.

Франция должна была сделать выбор. В 1878—1879 гг. перед ней лежали открытыми два возможных пути её внешней политики. Первый путь — путь накопления сил, сохранения дружбы и укрепления сотрудничества с Россией, путь, обеспечивающий благодаря поддержке России возможность для Франции противостоять дипломатическому нажиму Германии и сохранять независимую от неё политику. Второй путь — путь колониальных завоеваний и походов, неизбежно ослабляющий Францию в Европе и увеличивающий число её противников, а потому возможный лишь при условии примирения с Германией и приобретения её поддержки, что фактически ставило Францию в отношении зависимости к победителю 1871 года. Это был как раз тот путь, который германский канцлер с напускным грубоватым простодушием дружеского соседа настойчиво рекомендовал французскому послу Сен-Валье, как самый выгодный для Франции⁶⁸.

Французские банковские круги, финансовая олигархия и политическое представительство умеренных республиканцев, которые очень быстро приобрели вкус к лёгкой наживе с помощью аппарата государственной власти, стояли за этот второй путь. Он представлялся для них более выгодным прежде всего потому, что сулил лично им крупное обогащение в колониальных предприятиях. Сближение с Германией для большинства сторонников этого пути было лишь естественным продолжением их политики 1870—1871 годов и ретроспективно как бы оправдывало эту политику, давая тем самым «козыри» против революционно-демократических элементов, не протививших им измены в 1871 г. и требовавших и сейчас «достойной национальной политики». Само собой разумеется, что эти мотивы маскировались выспренними рассуждениями о «цивилизаторской миссии» Франции на Востоке, о восстановлении её «величия» путём создания обширной колониальной империи и прочей демагогией.

У Ваддингтона хватило решимости лишь на то, чтобы отвергнуть первый путь. Выражение дружественных чувств, исходившее от России в 1879 г. и открывавшее возможность восстановления прежних отношений, было оставлено им без ответа. Более того: выслуживаясь

⁶⁵ «Grosse Politik». Bd. III. №№ 662, 663, 664.

⁶⁶ См. Daudet E. «La mission du comte de Saint Vallier». Paris. 1918.

⁶⁷ «Grosse Politik». Bd. III. № 662.

⁶⁸ См. Daudet E. «La mission du comte Saint Vallier à Berlin»; «Doc. dipl. fr.». T. II. №№ 369, 380, 390, 440; T. III. № 133.

перед немцами, он позволил себе афишировать своё враждебное отношение к идее франко-русского сближения. В беседе с Гогенлоз в сентябре 1879 г., объясняя, почему часть французской прессы на него нападает, Ваддингтон сказал: «Это потому, что мои уши закрыты для всякой мысли о франко-русском союзе». В то же время он заверил германского посла, что, по его твёрдому убеждению, в интересах Франции идти с Германией и Англией⁶⁹.

Так, начавшийся с конца 1877 г. отход Франции от прежней политики сотрудничества и поисков союза с Россией привёл к отчуждению этих двух держав. Франко-русский союз, к которому французская дипломатия упорно пробивала дорогу с начала 70-х годов, был теперь, что парадоксальнее всего, по инициативе новых французских руководителей, отсрочен на долгие годы.

Французская внешняя политика не без колебаний вначале пошла по второму пути.

С приходом Жюль Ферри (1881) Франция стала на путь активной политики колониальных захватов.

При прямой дипломатической поддержке Германии Франция при помощи военной силы навязала 12 мая 1881 г. Бардоский договор тунисскому бею, установивший фактический протекторат Франции над этой страной. На следующий день, 13 мая, Бисмарк принёс поздравление по этому поводу французскому послу, а ещё через три дня кайзер Вильгельм, пригласив обедать Сен Валье, «с большой сердечностью поздравил с удачным завершением тунисского дела»⁷⁰. Германия же использовала своё влияние, чтобы оставить безрезультатными протесты Турции и возражения Англии против действий Франции в Тунисе.

Вслед за захватом Туниса последовали французские экспедиции в Северо-Западной и Центральной Африке, активизация Франции в Египте, закончившаяся, правда, её отступлением перед Англией, война 1882—1884 гг. на Мадагаскаре, завоевание Аннама и Тонкина, приведшее к войне с Китаем, и ряд других более мелких колониальных экспедиций.

На протяжении всех этих лет активной политики колониальных захватов Бисмарк сохранял по отношению к Франции неизменно ласковый тон и давал ей многократные доказательства дружественности позиции Германии. Германское правительство оказывало поддержку Франции в её колониальных предприятиях в Африке, стало на сторону Франции в её споре с Англией из-за Конго, поддержало Францию на Берлинской конференции 1885 г. по африканским вопросам, оказывало ей существенные услуги во время войны с Китаем. В беседах с бароном де Курсель, французским послом, сменившим Сен-Валье, Бисмарк в том же стиле доброго малого, привыкшего «правду-матку рубить», откровенно хвалил Ферри, давал французам советы, добродушно корил их за промахи и с той же показной простоватостью, не боясь затрагивать самых острых вопросов, доказывал, что французы напрасно его подозревают в каких-то тайных планах и целях, что он, Бисмарк, далёк от этого и единственно хотел бы, чтобы Франция навсегда забыла про Эльзас-Лотарингию⁷¹.

Но могли ли французские политические руководители поверить в правдивость германского канцлера? Что побуждало Бисмарка, ещё недавно столь беспощадного к Франции, выступить теперь в качестве её доброжелателя?

⁶⁹ «Grosse Politik». Bd. III, № 659.

⁷⁰ «Doc. dipl. fr.». V. IV, №№ 2, 8.

⁷¹ Daudet E. «La mission du baron de Courcel», pp. 29, 38—48, 76, 77, 116. Paris 1919; ср. «Grosse Politik». B. III, №№ 680—698.

Эти вопросы, естественно, должны были встать перед руководителями французской политики.

Ещё в 1881 г. вопрос о мотивах, побуждавших Бисмарка поддерживать Францию, подвергся обсуждению (понятно, келейному) в среде французских дипломатических деятелей. Граф Сен-Валье объяснял позицию Бисмарка в тунисском деле желанием переключить внешнюю экспансию Франции от рубежей Рейна в иные, более отдалённые места и тем избежать реванша. Сен-Валье отказывался видеть иные расчёты в политике Бисмарка и полагал, что «позиция канцлера не была вдохновлена преднамеренным планом изолировать нас, рассорив с Англией и Италией»⁷². Министр иностранных дел того времени Бартелеми Сент-Иллер, откровенный сторонник сближения с Германией, запросил ещё мнение Шанзи, посла в Петербурге, переслав ему письмо Сен-Валье. Шанзи согласился с тезисом Сен-Валье о стремлении Бисмарка перенести экспансию Франции за пределы Европы. Но в отличие от своего коллеги он настаивал на том, что, поддерживая колониальную политику Франции, канцлер кроме того намеренно старается столкнуть её с Италией и Англией и тем ослабить позиции республики⁷³.

Из этого видно, что ещё в 1881 г. французские политические руководители имели достаточно отчётливое представление о скрытых пружинах политики Бисмарка⁷⁴. Впрочем, красноречивее всяких рассуждений это раскрывали факты международной политики.

Уже заключение австро-германского союза 1879 г., усилившее Германию и навсегда лишившее Францию надежды сговориться с Австрией, резко ухудшало позиции Франции в Европе. Как ни успокаивал Францию Бисмарк, в Париже не могли не понимать, что германо-австрийский союз направлен не только против России, но и против Франции. Превращение Италии в непримиримого врага Франции после захвата ею Туниса и присоединения Италии к австро-германскому союзу в 1882 г. также означало возрастание опасности для Франции. Французская колониальная экспансия в Африке и Индокитае привела к крайнему обострению противоречий с Англией. Отношения с Россией оставались холодными. В то же время Германия, добившись в 1881 г. восстановления союза трёх императоров, установила самые дружеские отношения с Россией. Наконец, даже по ту сторону Пиренеев — в Испании — после визита германского кронпринца в 1883 г. отношение к Франции стало недоброжелательным.

Франция осталась совершенно одна, и — своеобразный исторический парадокс — единственным дружественным государством из всех её соседей и великих держав оказался её самый непримиримый, самый беспощадный враг — Германия.

Но Жюль Ферри и его коллеги по политическому руководству (кстати сказать, лично заинтересованные в финансовых махинациях и в Тунисе и в Аннаме), не взирая на фатальные последствия проводимой ими политики, продолжали вести Францию по избранному ими (и подсказанному Бисмарком) пути.

⁷² «Doc. dipl. fr.». V, IV, № 39.

⁷³ Ibidem, № 58.

⁷⁴ Стоит отметить, что М. Н. Покровский, нередко в силу ложного понимания задач разоблачения политики царской России бравший на себя роль политического адвоката Бисмарка, и в этом вопросе пытался его обелить. Покровский писал: «Впоследствии, когда эта (т. е. колониальная.—А. М.) политика Франции потерпела неудачу, французские публицисты из русофильского лагеря и здесь усматривали «интригу» Бисмарка, толкнувшего республику в заморскую авантюру, чтобы развязать руки в Европе. Но германский канцлер был не при чём» («История России в XIX в.». Изд. «Грэнат». Т. 9, стр. 170). Легко видеть, что М. Н. Покровский идёт дальше даже дипломатов прогерманской ориентации.

В Тонкин, где дела шли отнюдь не блестяще, отправлялась экспедиция за экспедицией; палата по требованию правительства вотиrowала все новые кредиты. Но отношения Парижа с Берлином сохраняли подчеркнута сердечный характер. Бисмарк обсуждал план свидания с Ферри, поговаривали уже о союзе, а генерал Кампенон, военный министр в кабинете Ферри, упоённый рисуящимися ему грандиозными перспективами, на банкете военных атташе иностранных посольств надменно заявлял: «Франция и Германия, объединившись, господствовали бы над всем миром»⁷⁵.

Так продолжалось до марта 1885 г., когда весть о катастрофе под Лянг-Сонгом вызвала взрыв негодования в стране и смела в несколько часов казавшееся столь прочным правительство Жюль Ферри.

IV

30 сентября 1885 г. к Шарлю де Фрейсине, в то время министру иностранных дел в кабинете Бриссона, явился князь Гогенлоэ, долготелный германский посол в Париже. Гогенлоэ пришёл проститься: он получил назначение наместником Эльзас-Лотарингии.

Начав с выражения всяческого сожаления по поводу расставания с Парижем, германский посол кончил свой разговор многозначительным заявлением о том, что Германия обеспокоена ростом реваншистских настроений во Франции, что в империи с тревогой следят, как развивается против неё чернильная война со стороны её соседа, что, наконец, как он угрожающе сказал: «У нас верят, что вы хотите возобновить войну против нас»⁷⁶.

Фрейсине, искусный дипломат, пытался парировать это тяжело-весное наступление лёгкой французской шуткой: «А знаете ли, кого вы мне напоминаете? Вы мне напомнили тех подозрительных мужей, которые всегда обвиняют свою жену и в каждом, даже самом невинном шаге усматривают все признаки предосудительного свидания». Гогенлоэ рассмеялся: «Вы правы», — но тем не менее продолжал настаивать на своём⁷⁷.

Фрейсине оценил смысл этой беседы 30 сентября как начало поворота во франко-германских отношениях, как провоцирование Германией нового конфликта с Францией. В секретной директиве барону де Курсело 17 октября он подчёркивал именно эту сторону — намеренное провоцирование Берлинским конфликта.

«Если бы он (Бисмарк. — А. М.) оценивал вещи беспристрастно и точно, он бы увидел, что поведение Франции по отношению к Германии более корректно и сердечно, чем Германии к Франции»⁷⁸, — писал Фрейсине де Курсело.

У Фрейсине были все основания так утверждать. Отношения нового французского правительства, Бриссона—Фрейсине, к Германии оставались корректными и предупредительными, и сам Фрейсине заявлял, что его политика к Германии остаётся такой же, как и его предшественников⁷⁹. Буквально за несколько дней до злобещих заявлений Гогенлоэ, в том же сентябре 1885 г., в связи с германо-испанскими трениями, и Фрейсине и де Курсель подчеркнули дружественность позиции Франции к Германии⁸⁰. Наконец, самое обвинение в антигерманской кампании было со стороны Гогенлоэ надуманным и голословным. Единственно, на что Гогенлоэ мог сослаться, это на

⁷⁵ Цит. по Caltier-Boissiere «Histoire de la III République». V. II, p. 68, Paris, 1935.

⁷⁶ «Doc. dipl. fr.», V. VI. № 79.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem. № 96.

⁷⁹ «Grosse Politik», Bd. III. № 708.

⁸⁰ Ibidem.

заметку в «Тан», впрочем, достаточно невинную, от которой к тому же Фрейсине отмежевался⁸¹.

Это важно подчеркнуть потому, что в немецкой исторической литературе почти общим местом стало утверждение о том, что антифранцузские выступления Германии в 1885—1886 гг. были вынужденным ответом на рост реваншизма во Франции, связанный с деятельностью Буланже. Это легенда, созданная немецкими политиками и историками, построенная на грубом смешении дат. Буланже не был в составе французского правительства в 1885 г. и серьёзной роли тогда не играл. Военным министром он стал в январе 1886 г., а реваншистскую пропаганду начал лишь летом того же года. Внимание политических деятелей Германии, если судить по дипломатической переписке, он привлёк впервые лишь в конце февраля 1886 г.⁸², т. е. пять месяцев спустя после обвинений Гогенлоэ. «Лига патриотов» Дерудеда до 1887 г. тоже сколько-нибудь заметной роли не играла. Кабинет же Бриссона был далёк от какой бы то ни было мысли о выступлении против Германии, и инициатива, следовательно, всецело принадлежала немцам.

Вслед за дипломатическим демаршем Гогенлоэ поднимает кампанию против Франции германская печать. Усиливаются репрессии в Эльзас-Лотарингии, в самой Германии проводятся значительные военные приготовления. Одновременно Бисмарк дипломатически подготавливает удар против Франции, заверяя правительства европейских держав в решимости Франции начать реваншистскую войну против Германии.

Опасность германской агрессии, впервые открывшаяся в угрожающих словах прощальной беседы Гогенлоэ, усиливаясь и нарастая на протяжении 1886 г., достигла своего кульминационного пункта к началу 1887 года. После знаменитой речи Бисмарка 11 января 1887 г. и выступлений германской печати, громко заговоривших о том, что келейно давно подготавливалось в германских дипломатических и военных кабинетах, о вероятности войны с Францией (понятно, что немцы при этом, как всегда, изображали себя обороняющейся стороной) германский удар против Франции казался уже неизбежным. Теперь во Франции в полной мере поняли все губительные последствия политики предыдущих лет — внешнеполитического курса Ваддингтона — Ферри.

В грозные дни военной тревоги 1887 г. до конца раскрылись те тайные цели, во имя которых канцлер маскировался простоватым приятелем Франции, заботившимся о примирении с соседом и о его колониальных приращениях. Поощряя и поддерживая политику колониальной экспансии Франции, Бисмарк добился, во-первых, ослабления Франции — колониальные экспедиции, в особенности тонкинская, отняли у неё немало сил; во-вторых, дискредитация её военной мощи — Лянг-Сонг заставил снова вспомнить про Седан, причём на этот раз победителями над наследниками наполеоновской славы были китайцы, и, наконец, что было самым главным, — полной международной изоляции Франции.

Ситуация, создававшаяся в 1887 г., не была похожа на 1875 год. Для Франции она была неизмеримо опаснее, ибо тогда можно было рассчитывать на дружественную поддержку России и Англии. В 1887 г. рассчитывать было не на кого: Россия отдалилась от Франции; Англия активно выступала против неё и занимала угрожающую позицию; Австрия была тесно связана союзом с Германией. Италия — третий участник германского блока — была полна самых агрессивных намерений против Франции. Из всех былых друзей и возможных партнёров в будущем у Франции никого не осталось. Политика дружбы с бисмар-

⁸¹ Ibidem. Bd. VI. № 706. ,

⁸² Ibidem, № 1223.

ковской Германией и политика колониальных завоеваний превратила бывших друзей либо в активных противников Франции либо в холодных, равнодушных к её судьбе наблюдателей.

Бисмарку, напротив, казалось, всё благоприятствовало. Англо-русские противоречия, едва не приведшие в 1885 г. к открытому столкновению на почве соперничества в Афганистане, оставались и в 1886—1887 гг. крайне острыми. Россия сталкивалась с Англией и в ещё большей мере с Австро-Венгрией на Балканах — в Болгарии, — что должно было её всё более связывать. Русско-германские отношения сохраняли дружественный характер. В конце 1886 г. в связи с истечением срока действия союза трёх императоров, Шувалов начал с Бисмарком переговоры о двустороннем соглашении⁸³. Италия стремилась укрепить свои связи с Берлином и Веной. В начале 1887 г. был возобновлён Тройственный союз. Усилиями Бисмарка налаживался контакт между Италией, Австрией и Англией; в 1887 г. он привёл к созданию средиземноморской Антанты. Германия опиралась на широкие и прочные связи в Европе.

Ослабленная и изолированная Франция осталась один на один с могущественной Германской империей, готовившейся нанести ей решающий удар.

Что же могло спасти Францию?

В грозный 1887 г. граф Шодорди, старый, опытный французский дипломат, монархист, человек крайне правых взглядов, опубликовал книгу, посвящённую исторический заголовок, но представлявшую собой дипломатическую и политическую публицистику. Шодорди в ней писал: «Между Францией и Россией не существует никаких преград для дружбы и близких отношений. Всякий, имеющий во Франции какое бы то ни было влияние, должен трудиться для этой цели. Все партии, все направления должны содействовать этому, ибо в этом спасение наше и ваше»⁸⁴.

Нужна была, видимо, чрезвычайно напряжённая и опасная ситуация, чтобы монархист Шодорди призывал к забвению партийных разногласий во имя сближения с Россией. Но он очень точно определил единственную возможность, остававшуюся у Франции, — спасение с помощью России.

Правда, необходимость возврата к политике 70-х годов — сотрудничества с Россией — стала осознаваться во французских руководящих кругах ещё раньше — с 1885 года. Ещё Фрейсине в кабинете Бриссона, а затем в собственном попытался добиться расположения России разными средствами, главным из которых была поддержка России в балканских делах. Он проявлял такую услужливость и готовность в разных вопросах угодить царскому правительству, что Гирс мог сказать германскому поверенному в делах в Петербурге Бюлову: «Они (французы — А. М.) стояли буквально на коленях перед нами»⁸⁵. Правда, это не мешало Фрейсине в то же время распространять в целях повышения акций Франции слухи о том, что русское правительство в конце августа — начале сентября 1886 г. делало французскому предложении о союзе. Мюнстер сообщал 1 октября 1886 г. Бисмарку, что он узнал об этом из разных источников: от английского поверенного Егертона, известного журналиста Бловица, итальянского поверенного в делах⁸⁶. 5 ноября сам Фрейсине в беседе с Мюнстером подтвердил, что он получил «от доверенного лица царя... далеко идущие предложения», но что Греви,

⁸³ См. об этом «Историю дипломатии». Т. II, стр. 86—89.

⁸⁴ C-te de Chaudordy «La France à la suite de la guerre 1870--71», p. 118. Paris. 1887. Разрядка моя.— А. М.

⁸⁵ «Crosse Politik». Bd. VI. № 1209.

⁸⁶ Ibidem. Bd. V. №№ 1200, 1206.

он сам и большинство кабинета несклонны идти на политику авантюры⁸⁷. На самом деле, от русского правительства никаких предложений не поступало, но близкие к Каткову люди (по германским сведениям, ген. Обручев и его жена француженка и Трубецкой)⁸⁸ зондировали в этом направлении почву в Париже. Но Бисмарк это столь серьёзно встревожило (он официально запросил через германское посольство Петербург)⁸⁹, что заставило изменить политику в болгарских делах и пойти навстречу русским желаниям⁹⁰. На развитие франко-русских отношений этот инцидент, впрочем, существенного влияния не оказал. Фрейсине умел угождать царю (в частности, при назначении Лабуле послом в Петербурге) и продолжал оказывать услуги в болгарских делах. Его преемник Флуранс полностью следовал за ним в этом. Если Фрейсине за услуги, оказываемые России в болгарских вопросах, снискал благодарность русского посла Моренгейма⁹¹, то Флуранс уже заслужил благодарность царя. Болгарской делегации, 9 января 1887 г. посетившей вслед за Берлином Париж, Флуранс оказал любезный приём и жёстким и сухим тоном предложил ей обратиться в Петербург: все вопросы Болгария может разрешить только в русской столице⁹². Александр был настолько в восторге от этого жеста Флуранса, что Швейниц, германский посол, даже сделал специальное представление Гирсу; он утверждал, что в Петербурге переоценили значение ответа Флуранса и что болгары впервые услышали то же в Берлине. Александр на докладе Гирса сделал характерную запись: «Да, но Бисмарк всё-таки хитрил, а Флуранс и Гобле просто и откровенно высказались»⁹³.

Всё это было хорошим предзнаменованием. Благоприятной была и позиция русской печати, в своём большинстве державшей сторону Франции в её конфликте с Германией. Но в Париже знали, что не печать определяет политику русского правительства и что вместе с похвалой Флурансу и Лабуле (французский посол в Петербурге) с уст русского самодержца, а ещё чаще Гирса срывались далеко не лестные оценки французских государственных деятелей, да и всего республиканского режима.

Но когда в январе разразилась гроза, перед смятёнными и напуганными руководителями Франции встал безотложный вопрос: в чьи двери стучаться за помощью? В английские? Но с этой стороны как раз и следовало опасаться удара: статья в «Стандарт» 4 февраля, допускающая возможность немецкого вторжения во Францию через Бельгию, рождала самые худшие опасения. В Вену? В Рим? Но над этими дверями стояла германская эмблема. Оставалось одно — снова стучаться в двери русского дома, просить Россию о помощи.

21 января Флуранс обратился к барону Моренгейму с просьбой о поддержке. 26 января Лабуле, не дожидаясь поручений от своего правительства, на собственный страх и риск обратился с той же просьбой в Петербурге. Надо заметить, что и французский министр иностранных дел и посол в Петербурге были в известной мере скованы в своей инициативе позицией президента республики. Гриви, один из вдохновителей курса Ваддингтона — Ферри, был решительным про-

⁸⁷ Ibidem. Bd. VI. № 1203; Ламздорф В. Дневники. Т. I, стр. 7; «Grosse Politik». Bd. V. №№ 1004, s. 113.

⁸⁸ Ibidem. №№ 1200, 1212.

⁸⁹ Ibidem. №№ 1204, 1209, 1210, 1211, 1212.

⁹⁰ См. «История дипломатии». Т. II, стр. 86.

⁹¹ «Freycinet C. de «Souvenirs 1878—1893», p. 306—307, éd. 6. Paris. 1913.

⁹² Albin Pierre «La paix armée L'Allemagne et la France en Europe» (1885—1894), p. 254. Paris. 1913.

⁹³ Ламздорф В. Указ. соч. Т. I, стр. 52.

тивником сближения с Россией⁹⁴. Но острота ситуации заставила, например, Лабуле даже выйти из рамок своих полномочий.

Когда Моренгейм послал Александру донесение, излагающее запрос Флуранса: окажет ли Россия Франции моральную поддержку, — Александр сделал на ней краткую, но вполне категорическую надпись. «Конечно, да»⁹⁵. Александр в этом вопросе преодолевал сопротивление Гирса и Ламздорфа — сторонников прогерманской ориентации. Понятно, что мотивы, побудившие его встать на эту позицию, определялись не только удовлетворением от отповеди Флуранса болгарам: царь не разделял безграничного доверия своего министра иностранных дел к «обер-скоту», как, не без язвительной меткости, Александр называл Бисмарка. Александр отнюдь не намеревался играть германскому канцлеру наруку. Он сумел правильно оценить значение внешнеполитической ситуации: разгром Франции Германией не соответствовал русским интересам. Не только от Каткова, который, оставаясь реакционером и мракобесом, сумел сохранить здравый смысл в отношении Германии, не только из его «Московских ведомостей», но из всей русской прессы того времени, за исключением разве «Вестника Европы», царь мог знать, что так думает и вся Россия, по крайней мере, представленная печатью. Такой случай — совпадение мнения реакционнейшего самодержца с так называемым общественным мнением — был почти уникальным.

Правда, Александр не проявлял торопливости в движении навстречу желаниям французозов и не скрывал своей враждебности республиканскому режиму. Но Ламздорф тем не менее вполне справедливо оценил позицию Александра, комментируя его замечание на донесении Моренгейма, как обещание Франции «нашей поддержки против Германии»⁹⁶. И хотя подтверждаемое Тутеном⁹⁷ сообщение Лабуле⁹⁸ о том, что Александр 7 февраля в беседе с Швейнцием отказался гарантировать русский нейтралитет в случае войны Германии против Франции, опровергается записями Ламздорфа⁹⁹, видимо, позиция русского двора в целом давала Лабуле основания верить в правдоподобность полученных им сведений о беседе царя с германским послом.

Сообщения из Петербурга настолько окрылили Флуранса, позиция России, из донесений Лабуле и из бесед с Моренгеймом, казалась ему настолько благоприятной, что Флуранс решился на смелый шаг.

В двадцатых числах февраля французское правительство (Флуранс действовал по согласованию с премьером Гобле) обратилось через Моренгейма к русскому правительству с предложением послать в Петербург специальную миссию, возглавляемую неофициальным представителем Франции, для переговоров о заключении соглашения с Россией¹⁰⁰.

⁹⁴ Гревс говорил Мюнстеру, послу Германии, что он (Гревс) «полагает... что было бы грубой ошибкой втягивать Францию в наступательный и оборонительный союз с Россией так как он убеждён, что она покинет Францию в решающий момент» (Toulin E. «Alexandre III et, la République française», p. 185. Paris. 1929). «Grosse Politik». Bd. VI. № 1270.

⁹⁵ См. опубликованную в томе 18 «Исторических записок» статью проф. Хвостова «Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 года», в которой дан превосходный, весьма детальный анализ роли России в кризисе 1887 года. Дневник Ламздорфа (1886—1890), стр. 46.

⁹⁶ Дневник В. Ламздорфа, стр. 46.

⁹⁷ Toulin E. Op. cit. Тутен в то время был секретарём французского посольства, и его информация, видимо, имела тот же источник, что и Лабуле.

⁹⁸ «Doc. dipl. fr.». V. VI. № 436.

⁹⁹ Ламздорф В., стр. 69. Ламздорф ссылается на перлюстрацию донесений Швейнциа, и поэтому ему приходится более доверять.

¹⁰⁰ Hansen J. «Diplomatische Entfaltungen aus der Botschafterzeit des Baronon Mohrenheim», S. 37—39. Leipzig Ламздорф. Указ. соч., стр. 78—79. В «Истории дипломатии» (Т. II, стр. 92) сказано, что заявление Гирса (20 января) извещало Флуранса «от необходимости продолжать переговоры с Россией». В свете указанных фактов это надо признать неточным.

Выполнение этой миссии было возложено на виконта Мельхиора де Вогюе ¹⁰¹.

Выбор Мельхиора де Вогюе не был случаен. Консерватор и монархист по политическим взглядам и связям, дипломат и литературный критик по роду занятий, бывавший в России и знавший русский язык, Вогюе как раз в это время (1886) опубликовал произведшую сенсационное впечатление во Франции и вызвавшую широкие отклики в России книгу о русской литературе ¹⁰². В книге доказывались мировое значение и огромная художественная ценность таких мастеров слова, как Толстой, Тургенев, Достоевский. Эти качества Вогюе, его связи в петербургском обществе и известность в России и заставляли думать французское министерство иностранных дел, что он окажется наиболее подходящим лицом для выполнения этой тонкой и ответственной миссии.

Но здесь обнаружилось, что французское правительство слишком поспешило. Предложение о посылке специальной миссии было Александром отклонено, хотя и не в той категорической и окончательной форме, которую предлагал Гирс ¹⁰³.

Однако, хотя Россия и отвергла торопливое предложение Франции о соглашении между двумя странами, в поведении России в кризисный, 1887 г. было нечто такое, что было гораздо существеннее и важнее вопроса о миссии Вогюе.

Брутальное дипломатическое наступление Германии на Францию, достигшее своей кульминации к концу января — началу февраля, к середине этого месяца довольно неожиданно прекратилось. Бисмарк, размахивавший мечом над головой Франции, снова вложил его в ножны. Но в апреле того же года, в связи с арестом немцами французского полицейского комиссара Шнебеле, военная тревога возникла снова. Пьер Альбен, исследовавший франко-германские отношения этих лет, утверждает, что никогда со времени 1870 г. общественности не казалась война такой близкой, как в дни инцидента Шнебеле ¹⁰⁴. Но в последних числах апреля Шнебеле был освобождён немецкими властями и военная тревога миновала. Бисмарк снова отступил.

Что же заставляло Германию, дважды начинавшую наступление на Францию, обрывать его и возвращаться к исходным позициям, не достигнув никакого успеха?

Иными словами, повторяя поставленный ранее вопрос: что же спасало Францию от германской войны?

В короткий промежуток между двумя военными тревогами, в начале марта 1887 г., германскую столицу посетил французский генерал д'Абзак. Д'Абзак был принят кайзером Вильгельмом I и кронпринцем Фридрихом, знавшими ранее генерала. Свои впечатления от беседы с ними д'Абзак в разговоре с Эрбеттом (французским послом в Берлине) сформулировал так: «Не будем чересчур озабочены военной опасностью в данный момент: здесь боятся прежде всего России» ¹⁰⁵.

В этих словах случайного наблюдателя или скромного соучастника событий кризисного, 1887 г. оказалась раскрытой тайна спасения Франции.

Впрочем, несколько лет спустя в другой форме то же самое подтвердил и самый осведомлённый человек, главный автор и режиссёр антифранцузских провокаций — Бисмарк. В 1890 г. разжалованный Вильгельмом II, опальный Бисмарк, покидая свой канцлерский кабинет, в более

¹⁰¹ Жорж Мишон (указ. соч., стр. 5) допускает фактическую ошибку: он говорит о графе Вогюе. Но из текста письма Флуранса Моренгейму, опубликованного Гавсеном, видно, что речь идёт о виконте Вогюе. Граф Вогюе был также дипломатом, но в данном случае речь шла не о нём.

¹⁰² M. de Vogüé. «Le roman russe». Paris. 1887.

¹⁰³ Ламздорф В. Указ. соч. Т. I, стр. 79.

¹⁰⁴ Albin P. Op. cit., p. VII.

¹⁰⁵ Toutin. E. Op. cit., p. 194. Разрядка моя.— А. М.

откровенной чем когда-либо беседе с Шуваловым, снова вернулся к теме русско-германских отношений. «Чего мог я бояться со стороны России? — в тоне общего раздражения говорил Бисмарк Шувалову. — Я вполне понимаю, что если бы мы роковым образом оказались втянутыми в войну с Францией, то в случае нашего успеха Россия в известный момент сказала бы нам: «Стой!», — и мы бы остановились»¹⁰⁶.

Вот это-то опасение русского «стой» и останавливало всякий раз Бисмарка от нанесения удара Франции. Как удачно сформулировал французский журналист и историк Андре Мевиль, «Бисмарк знал, что Германия не может ничего предпринять против Франции без абсолютного нейтралитета России»¹⁰⁷.

В течение 1886—1887 гг. Бисмарк вёл переговоры с Россией¹⁰⁸. В ходе их он должен был убедиться, что Россия не предоставляет ему свободы действий на Западе, — это и заставило его отступить в январе и апреле 1887 года.

В заключительной стадии переговоров, в мае 1887 г., при выработке двухстороннего соглашения, так называемого «договора о перестраховке», Бисмарк, как известно, внёс в германские обязательства сохранения нейтралитета оговорку на случай нападения России на Австрию. В ответ на это Павел Шувалов сделал контрзаявление, что и в русских обязательствах сохранения нейтралитета исключается случай нападения Германии на Францию. При этом Шувалов, в соответствии с данными ему инструкциями, заявил, что «его величество не может допустить нанесения смертельного удара Франции»¹⁰⁹. Как рассказывал Шувалов в своих донесениях, эта позиция России породила крайнее разочарование и раздражение Бисмарка и вызвала с его стороны самое активное противодействие. Канцлер развернул целый ряд аргументов и доводов, чтобы заставить представителя России отступить от этой позиции.

«Все усилия Бисмарка сбить русского посла в пункте о Франции остались безуспешными. Шувалов, в конце концов, в почти ультимативной форме пригрозил Бисмарку прекращением переговоров, если русские условия о Франции не будут приняты»¹¹⁰. Бисмарк капитулировал и принял условия России.

Договор о перестраховке обычно изображается в западноевропейской исторической литературе как шедевр дипломатического мастерства Бисмарка¹¹¹.

В действительности, в дипломатическом поединке с Россией Бисмарк потерпел поражение. Договор о перестраховке не только не дал ему желательной свободы германской политики на Западе, но и связывал ему руки в будущем. Более того: Бисмарк уже тогда догадывался, что устанавливаемый этим договором контакт с Россией будет в такой степени иллюзорным, что не только не обеспечит русского нейтралитета в возможном конфликте с Францией, но и не сумеет предотвратить франко-русского сближения и союза.

Через три месяца после подписания договора о перестраховке, в сентябре того же 1887 г., на полях донесения Бюлова, сообщавшего из

¹⁰⁶ Ламздорф В. Указ. соч., стр. 278.

¹⁰⁷ Mévil A. «De la paix de Francfort à la Conférence d'Algeras», p. III. Paris. 1909.

¹⁰⁸ См. историю этих переговоров: «История дипломатии». Т. II, стр. 76—96; Хвостов В. Указ. статья в «Исторических записках». Т. 18.

¹⁰⁹ «Русско-германские отношения», стр. 116—117.

¹¹⁰ Шувалов заявил Бисмарку: «Уверю вас также, что успех или неуспех порученных мне переговоров не является для меня вопросом самолюбия; я хочу только добросовестно исполнить свой долг, поэтому говорю с вами открыто и не торгуясь, не запрашивая; если же я настаиваю на маленькой добавочной статье касательно Франции, то ведь я знаю, что это условие неизбежно (sine qua non)». Там же, стр. 121.

¹¹¹ См., например, Resouly R. «De Bismarck à Poincaré»; Фэй С. «Происхождение мировой войны». Т. I, стр. 63—64. М. 1931; Гуч Г. «История современной Европы», стр. 86. М. 1925.

Петербурга, что Александр III не хочет союза с Францией, Бисмарк меланхолично написал: «Александр II тоже не хотел турецкой войны, но всё-таки вёл её»¹¹².

За этими словами германского канцлера скрывалось горестное признание тщетности всех его упорных усилий, бесполезности с таким трудом возведённого дипломатического сооружения — договора 18 июня 1887 г.; Бисмарк уже предчувствовал, что вся его многолетняя и сложная игра, имевшая целью не допустить франко-русского союза, теперь идёт к проигрышу.

Таким образом, хотя Россия в ту пору и не связала себя прямым соглашением с Францией и отклонила миссию Вогюе, она оказала Франции более существенную и реальную помощь. В переговорах с Бисмарком русское правительство сумело оградить интересы Франции так, как если бы она была союзницей России, и тем самым сделала невозможной германскую агрессию в 1887 году. В соглашениях с Германией Россия поставила Францию в те же условия, которые Германия выговорила для своей прямой союзницы — Австро-Венгрии.

Если предистория франко-русского союза восходит к 1872—1873 гг., то с 1887 г., с первого, хотя и безуспешного, предложения Францией формального соглашения с Россией и с предоставления Россией Франции помощи, равноценной союзнической поддержке, следует датировать начало подготовки франко-русского союза.

V

Союз с Россией, который в течение долгого времени был для Франции, по выражению историка её внешней политики, «мечтой»¹¹³, после 1887 г. стал вырисовываться как нечто реальное и практически достижимое.

Французская дипломатия не была обескуражена неудачей предложения о миссии Вогюе. Оценив реальное значение русской поддержки против германской агрессии, она сосредоточила все свои усилия на том, чтобы добиться дальнейшего сближения с Россией и оформления его определённым соглашением о союзе. Все известные факты и документы дипломатической переписки этих лет свидетельствуют о том, что инициатива и настойчивые домогательства заключения союза на протяжении всего периода 1887—1893 гг. исходили от Франции. Это вынужден признать даже столь враждебный идее франко-русского союза историк Жорж Мишон¹¹⁴.

Вслед за политическим сотрудничеством установилось и деловое: в 1888 г. Россия разместила крупный заём в Париже, в конце того же года Франции был передан большой заказ на изготовление оружия для России. Но в основе этого сотрудничества лежали прежде всего политические и стратегические интересы, и общность этих интересов делала возможным самое деловое сотрудничество.

Как видно из предыдущего, франко-русское сближение с неизбежностью вырастало из соотношения сил в Европе, сложившегося после Франкфуртского мира, а затем из создания германского блока держав.

Что было определяющим в этих тенденциях к сближению между двумя государствами? Во-первых, отсутствие сколько-нибудь серьёзных противоречий между Францией и Россией: ни континентальная, ни колониальная политика России и Франции не вели к столкновению

¹¹² «Grosse Politik». Bd. IV. № 1217.

¹¹³ Dechanel L. «Histoire de la politique extérieure de la France (1806—1936)», p. 261. Paris. 1936.

¹¹⁴ Michon G. Op. cit., p. 48. По условиям места, автор не может здесь подвергнуть анализу историю франко-русских отношений 1887—1893 гг. и конкретные условия, предопределившие оформление франко-русского сотрудничества в союз; он предполагает это сделать в специальной статье.

этих государств; во-вторых, общность интересов и стремлений к восстановлению нарушенного созданием Тройственного союза европейского равновесия и к преодолению изоляции, в которой по разным причинам и по-разному оказались как Франция, так и Россия; в-третьих, общность задач обуздания агрессивных намерений Германии, угрожавших главным образом Франции, но задевавших также интересы России, в особенности благодаря союзу с Австро-Венгрией, политика которой находилась в ту пору в прямом противоречии с интересами России; наконец, умеряющее воздействие франко-русского сотрудничества на Англию, колониальная политика которой сталкивалась с интересами колониальной политики как Франции, так и России.

Вот в основном те важнейшие факторы политического и стратегического характера, которые способствовали сближению между этими двумя государствами. Из них главным была германская опасность. Германская опасность делала для Франции союз с Россией жизненной необходимостью. Резкое ухудшение в конце 80-х — начале 90-х годов русско-германских отношений (напомним, что в 1890 г. Германия отказалась от возобновления договора о перестраховке) и ухудшение отношений с Австрией, а также наметившееся в ту пору сближение Англии с Тройственным союзом (при возобновлении его в 1891 г. ходили слухи, что Англия к нему присоединится) побудили и русское правительство, проявлявшее до сих пор сдержанность, пойти навстречу французским стремлениям.

Соглашениями 27 августа 1891, 17 августа 1892, 4 января 1894 г. был оформлен франко-русский военно-политический союз.

Однако если в момент своего зарождения франко-русский союз был главным образом средством обуздания германской агрессии, то это отнюдь не значит, что он представлял собой сугубо миролюбивое, пацифистское соглашение, как это часто изображается во французской исторической и публицистической литературе. Будучи заключён буржуазной Францией и царской Россией — государствами, ведшими захватническую, империалистическую политику, — он был использован ими в тех же империалистических целях.

Заключение франко-русского союза было событием крупнейшей исторической важности. Глубокое и точное определение значения и места его в истории нового времени дал товарищ Сталин в докладе на XIV съезде партии в 1926 году. Говоря об истории возникновения первой мировой войны, товарищ Сталин указывал на то, что одной из основ будущей империалистической войны было соглашение между Австрией и Германией в 1879 году. «Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции... Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение России и Франции в 1891 — 1893 гг.»¹¹⁵.

Товарищ Сталин, таким образом, рассматривает возникновение франко-русского союза, являвшегося также новым этапом в подготовке империалистической войны 1914 — 1918 гг., как ответ на заключение австро-германского союза, угрожавшего России и Франции.

Этим высказыванием товарища Сталина определяется со всей ясностью историческое место франко-русского союза.

Заключение союза с Россией в 1891 — 1893 гг. имело для Франции значение, выходящее за рамки конъюнктурных и преходящих интересов.

Не выясняя (что, по условиям места, является невозможным) вопроса о значении союза 1891—1893 гг. для России, важно подчеркнуть, какую роль в оценке самих французских историков он сыграл в истории Франции.

¹¹⁵ Стенографический отчёт XIV съезда ВКП(б), стр. 15. 1926.

Союз с Россией оказался для судеб Франции фактором перво-степенной, кардинальной важности. Он внёс решающие изменения в её статус; он коренным образом изменил положение Франции в системе европейских и мировых государств.

Здесь лучше всего предоставить слово самим французам. Различные общественные группы по-разному интерпретировали союз с Россией и вкладывали в него разное содержание. Но все они сходились на том, что этот союз жизненно важен для обеспечения безопасности Франции вообще, от германского нападения в особенности.

Не только современники и политические деятели, участвовавшие в подготовке и оформлении союза, подчёркивали его огромное значение для Франции, но и историки, располагавшие для оценки критерием времени, приходили к тем же выводам, по-разному излагая его характер.

Дешанель в вышедшей в 1936 г. «Истории внешней политики Франции XIX—XX вв.» подчёркивал, что союз с Россией вывел Францию из состояния изоляции, избавил её от германской угрозы и возвратил ей снова место великой нации¹¹⁶.

Ту же мысль утверждал и Пьер Альбен: «Франко-русский союз свидетельствовал о возрождении побеждённой в 1870 г. Франции. Франция не была более изолирована. Гегемония, которую Германия, казалось, уже утвердила в Европе, с этого времени превратилась для неё в воспоминание... нарушенное равновесие было восстановлено и утверждено»¹¹⁷.

Шефер в истории внешней политики Франции 1871—1918 гг. период её сближения с Россией называет «возвращением в Европу», а последующее время — «периодом равновесия»¹¹⁸. Один из новейших историков, Ансель, в немногих словах многое извративший в проблеме франко-русского союза, должен был тем не менее признать, что франко-русский союз возвратил Францию в Европу¹¹⁹.

Андре Тардьё, игравший большую и зловещую роль в истории Третьей республики, дал довольно точную оценку значения союза с Россией для Франции. Тардьё писал, что франко-русский союз «дал нам в Европе моральный авторитет, которого со времени наших поражений нам не доставало. Он поднял нашу дипломатическую стойкость. Он нам открыл поле для политических комбинаций, которое нам было закрыто вследствие нашей изоляции. От роли наблюдателя мы, благодаря союзу с Россией и установленному им равновесию, смогли перейти к действительной политике»¹²⁰.

Близкой к этому является точка зрения Андре Мевилья и других авторов, касавшихся этой темы. Все они единодушно сходятся на том, что франко-русский союз возвратил Франции, после длительного периода изоляции и крайней шаткости её положения в Европе, прочность и стабильность, восстановив полностью её положение великой державы. Отныне германская опасность потеряла для Франции прежнюю остроту; она осталась, но была уже совершенно иной, чем раньше, ибо Франция опиралась на военную мощь России, а Германия, озираясь на Восток и страшась войны на два фронта, не легко могла решиться на активные действия против Франции.

В то же время союз с Россией, укрепляя позиции Франции в Европе, развязывал ей руки на мировой периферии. Не случайно, что после заключения союза — и в этом сказывается его империалистическая природа — Франция снова перешла к активной колониальной политике.

¹¹⁶ Dechanet. Op. cit., p. 363.

¹¹⁷ Albin P. Op. cit., p. 378.

¹¹⁸ Schefer Chr. «D'une guerre à l'autre», p. 127, 173.

¹¹⁹ Ancel J. «Affaires étrangères», p. 85. Paris. 1936.

¹²⁰ Tardieu A. «La France et les alliances», p. 16. Paris. 1909.